

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-086-095

ГРАНИЦЫ РЕАЛЬНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ МАГРИБИНЦЕВ XX–XXI вв. (ЭССЕ)

© 2024

С. В. Прожогина¹

В эссе прослежена эволюция жанров, стилей и методов в способах отражения окружающей реальности в творчестве франкоязычных писателей-магрибинцев из Алжира, Марокко и Туниса, так или иначе сопряженном с вызовами колониальной и постколониальной эпох. Особо отмечено обращение современных прозаиков и поэтов к проблемам радикализации религии и политизации ислама, а также понимание ими концепта «возвращения к истокам».

Ключевые слова: Магриб, ориентализм колониальной литературы, франкоязычные автохтоны, бытописание, романтизм, социальный реализм, символизм, метафора, аллегория, утопии, антиутопии постколониальной эпохи, традиционализм в современности

Для цитирования: Прожогина С. В. Границы реального в творчестве магрибинцев XX–XXI вв. (эссе). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 86–95. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-086-095

BORDERS OF THE REAL IN THE MAGHREB LITERATURE, TWENTIETH TO TWENTY-FIRST CENTURY (AN ESSAY)

Svetlana V. Prozhogina

The essay traces the evolution of genres, styles and methods of reflecting the surrounding reality in the works of Maghreb French-speaking writers and poets from Algeria, Morocco and Tunisia, works in varying degrees associated with the challenges of colonial and postcolonial eras. The emphasis is on their appeal to the issues of religious radicalization and politicization of Islam, as well as their comprehension of the notion of the “return to the roots”.

Keywords: The Maghreb, the Orientalism of colonial literature, French-speaking autochthons, national rules and morals, romanticism, social realism, symbolism, metaphor, allegory, utopia, dystopia of the post-colonial era, traditionalism in contemporaneity

For citation: Prozhogina S. V. Borders of the Real in the Maghreb Literature, Twentieth to Twenty-first Century (An Essay). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 86–95. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-086-095

Можно сказать сразу, что эти границы беспредельны, как и многообразие мира, нас окружающего. А значит, и в творчестве художников слова или любых других видов искусства, в том числе и архитектуры, запечатленных во всех доступных формах выражения как способа постижения, освоения, преобразования или даже наоборот — неприятия реальности.

¹ Прожогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svetlana.projogina@mail.ru
Svetlana V. Projogina, D.Sc. (Philology), Principal Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; svetlana.projogina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-0289

Это не означает, что *реализм* сам по себе, как художественный метод — «без берегов»²: горизонты движения так или иначе просматриваются в том или ином его *направлении*.

Однако при этом классификационные *штампы* (вроде «академизм», «модернизм», «пост-модернизм», «абсурдизм», «беллетризм», «абстракционизм», «структурализм», «постструктурализм» и пр.), особенно в отношении литературного творчества, — опасны. Они не всегда раскрывают богатство нюансов и красок, оттенков смысла, исторический контекст и даже «затекст», особенности психологии, социологии и даже политологии, влияющих на проявления художественного творчества.

Разве что убогие «*фэнтэзи*», лишенные всякого смысла, да и подобные им образцы так наз. поп-культуры, шоу и др. развлечений, предназначенных *только* для рынка (порой даже становящиеся опасным), могут быть «отштапованы», ибо другого не заслуживают.

А вот фантазии, игра воображения на основе, на фундаменте *реального* — это заслуживает анализа. Можно вспомнить о ранних романах-фантазиях алжирца М. Диб «Кто помнит о море» и «Бег по дикому берегу» [Dib, 1962; 1964]... В них — чистая игра воображения, но в его основе — реальная надежда писателя на встречу с новым миром, с вольным простором моря, с дыханием нового времени, свободы и открытых человеку горизонтов.

Тунисец Абдельваххаб Меддеб, тоже, как и М. Диб, долго живший во Франции, питает свой идеал не туманным Будущим, но воспоминаемым Прошлым, создавая некий «текстовый» поток памяти, в ассоциациях — по сходству ли или по контрасту, — определяя для себя и свои взаимоотношения с Настоящим.

«Талисман» [Meddeb, 1979], написанный Меддебом в 1979 г., приглашал читателя к разгадке некоей тайны — завета, оставленного в далекой истории, к путешествию вместе с автором в глубины довольно сложного романного пространства, которое размещалось в разных географических, исторических и культурных «широтах», походило порой на лабиринт неразрешимых сюжетных ходов, заводило в тупики, оттягивая развязку, или уводило читателя вместе с героем произведения далеко в сторону от главной цели, наполняясь философскими, филологическими, искусствоведческими размышлениями. Однако Меддеб, умело используя формальные элементы свободного от определенных жанровых границ художественного «письма», или «чистого текста», в целом создал вполне законченную историю мысленного путешествия своего героя к родной стране и возвращения его «к себе», в свою собственную «внутреннюю страну», рассказав о его душевных переживаниях и сомнениях. Строя произведение на постоянном чередовании компонентов формулы «здесь — там», на социально-психологической альтернативе, определяемой пространством «своего» и «чужого», индивидуального и общественного, исторического и политического, разных временных пластов, писатель убедительно показывает импульс и самого «путешествия» вглубь памяти, и «возвращения» героя назад, в реальность повседневности. В истоке причин движения в прошлое — невозможность переносить окружающее, ощущаемое постоянно как время «человеческого разлучения», «отлучения» от Жизни, как предчувствие близкой опасности, тягостного погружения «во мрак».

Героя манит к себе и зовет образ «выжженной солнцем земли», где «царила когда-то отвага», где когда-то кочевники не знали усталости и были подобны «летучим огням» в пустыне

² Это выражение принадлежит французскому философу Р. Гароди (1913–2012). «О реализме без берегов» — так называлась одна из его многочисленных книг, издававшихся и в русских переводах (М., 1966). Р. Г. отличался многообразием своих взглядов и убеждений — от марксизма до исповедания суфизма и прочими крайностями в своей общественно-политической деятельности — от активного участия в движении французского Сопротивления фашизму до отрицания холокоста, от борьбы за идеи модели «французского социализма» до выхода из рядов французской компартии, от отрицания государства Израиль до борьбы с антисемитизмом.

и, совершая набеги, неслись легко вперед, уверенные в победе. Этот образ родины «клеился к телу», «лип к коже», «врастал в клетки организма», как бы восстанавливая «разрушенное» чужбиной само естество героя, его собственное единство, равновесие его души.

И текст «Талисмана», раскручивая спираль Времени вспять, укрепляя воображение реальными историческими фактами, показывая нашествие на тунисскую землю финикийцев, римлян, галлов, арабов, испанцев, турок, французов, воссоздавая картины пленения людей, рабства, мятежей, бунтов, избавления от гнета и вновь — «предательство» усилий народа, его нового восстания против навязанных ему новых «идолов», против несправедливой Власти, уподобляет эту последнюю, воображаемую, разбушевавшуюся стихию народного гнева, выплеснувшуюся на улицы родного города (Туниса), народному празднику, радости предвкушения Свободы и возрождения Надежды.

Развивая темы «Талисмана» в дальнейшем в романе «Фантазия» [Meddeb, 1986], Меддеб снова вернется к свободной, почти эссеистской форме, сохранив и в этом произведении принцип совмещения воображения и реальности, хроникальных свидетельств и философских и эстетических авторских размышлений. Однако, в отличие от «Талисмана», в «Фантазии» более заметен стержень любовного повествования, хотя и без особой сюжетной канвы, очевидно метафоризируя главную цель жизни героя книги, мечтающего об «универсуме, где будут навсегда побеждены все формы агрессии» и где будет царствовать «только Гармония». Бесконечные видения и размышления погружают героя как в прошлое, так и в настоящее, не останавливая поиски Прекрасного. Всё кружение текста «Фантазии» вокруг фактов истории, впечатлений от произведений искусства, памятников архитектуры, музыкальных шедевров, переплетение разнородных тем, их разветвление в разных ассоциативных связях истории и современности подчинено Меддебом в общем простой и определенной задаче — отрицанию везде и повсюду безобразного, антигуманного и утверждению всегда и везде Красоты, Справедливости, Добра. И Свет, на который идет герой «Фантазии», — его любовь, его Возлюбленная, которая для него «как Земля», по которой он путешествовал, «как лес», где он вкушал «диковинные плоды», «как море», в котором он плывал. Она — как «утоление жажды» после «перехода через пустыню» жизни, она — одновременно и «оазис», и «спасительная тень», но и разбухшая в сердце ностальгия по родной земле, где сверкают под солнцем пески, где обжигает дыхание ветер, несущий запах пальм и далекого моря, и она — как мечта о Солнце, помогающая выжить и прервать надоевшую «мелодию смерти» на чужбине.

Если «Фантазия» (как и «Талисман») позволяла Меддебу работать в свободной от жестких жанровых границ форме, превращая свои произведения (называемые им самим романами) в особый, синтетический тип прозы, то тунисец Альбер Мемми, исходя из тех же основ, используя ту же тематическую доминанту (неприятие чужбины, ностальгия по утраченной родине), пишет в 1988 г. «Фараон» [Memmi, 1988], формально определенный как романное повествование с логически четко выстроенным сюжетом, с однородной структурой, с узнаваемыми по прежним книгам Мемми мотивами, героями, персонажами. Но «Фараон», в котором Мемми, мастерски воспользовавшись джойсовым «ключом» — схемой путешествия длиной в один день из жизни главного героя, отражает, в сущности, совокупность многих жизней и эпох. Поэтому роман этот многоплановый, уместивший в себе признаки и исторического, и любовного, и социально-психологического жанра, он тесно связан с реальностью, переживаемой Мемми также в пространстве чужбины.

Живые свидетельства своей эпохи — кануна независимости в Тунисе, романтически возвышенный показ отношений с любимой женщиной, бытописательски точно сделанные зарисовки «своего» и «чужого» социума, глубокие психологические мотивировки поведенческой модели и характеров каждого персонажа — все эти качества только закреплены в этом произведении Мемми. Новым является сам тип героя, с которым соотносится название произведения

и весь метафорический план романа. Человек, изменивший гражданским порывам своей юности, идеалам борьбы за общественное переустройство, волновавшим молодежь его поколения в годы национально-освободительного движения в Тунисе, в прошлом — талантливый студент-археолог, в настоящем — удачливый профессор Парижского университета, пытавшийся всю жизнь уберечь свое «убежище» в границах «дома — семьи — работы — науки», воздвигнуть вокруг себя «прочные стены» самодостаточного мира, на исходе дней понимает, что прожил не в прочной «цитадели фараонизма», но в «гробнице», разделившей его с настоящей Жизнью. И теперь, понимая, что счастье — не в глубинах жизни духовной, не в комфорте обретенного на чужбине благополучия, не в верности своему призванию, герой сожалеет, что утратил способность остаться верным «розе» своих юношеских надежд и мечтаний, которые были подобны цветку, распустившемуся, как сказано в древней притче, в безжизненных песках Пустыни, окружавшей пирамиду некоего Фараона...

Мотив боли «откорененности», ностальгии по утраченной Родине, но только в еще более драматической окраске, прозвучал и в романе тоже тунисца — Фавзи Меллаха, воссоздавшем старинную легенду об «Элиссе — царице-скиталице». Роман, написанный в 1988 г., так и называется: «Elissa, la reine vagabonde» [Mellah, 1988]. История основания финикийцами на североафриканской земле Карфагена с помощью авторской фантазии сростается с историей греховной любви царицы пунического Тира к своему брату и обретает форму «романа в письмах» сосланной навечно Элиссе к нему, оставшемуся по ту сторону навсегда разделившего их моря. Но скитания Элиссе в морском просторе до принятия, наконец, старейшинами, сопровождавшими ее, решения «пристать к берегу и основать Новый Город», казались единственным утешением опальной царицы, иллюзией своей освобожденности в опьянении вольным ветром, бескрайности горизонтов, успокаивающей душу колыбельной песней волн. Отвергнутая своей страной, познавшая горечь любви, но испив и иллюзорный глоток свободы, царица-скиталица взойдет, основав свой Город, на костер для добровольного самосожжения, чтобы не стать ни пленницей, ни рабой, не бросить якорь в чужой земле, но сохранить в себе навсегда, унеся с собой, память о Море и о родном берегу. Так тема «изгнанничества» как вариация давно звучащей в магрибинской литературе темы «чужбины» обретает новый оттенок — внутренней неподвластности человека чужому для него Закону существования, несмирения с темницей бытия, похожего на медленную смерть.

Алжирец Рашид Буджедра³ создал в середине 70-х годов XX в. роман «Упрямая улитка» [Boudjedra, 1977] на материале известного всем «Превращения» Ф. Кафки, известного как «отец модернизма». Только если у Ф. Кафки герой становится насекомым, не вынеся груза и тягот жизни, обрушившихся на него, издавна давивших человека и постепенно изничтоживших его человеческое существо, заставивших его ползать по земле и зависеть от абсурда окружавшего его бытия, то у абсолютного реалиста Буджедры в его романе-вымысле герой — улитка, выползающая «погреться на солнышке» из своей ракушки, где ей и сыто, и удобно, и хорошо, и уютно. А получить «лишний кусочек тепла, солнышка», погреться в лучах его власти над землей — разве не типичная картинка мира, который превращает «личный комфорт» чуть ли не в единственный идеал человечества?

В 80-е годы в тунисской литературе появляется роман М. Тили «Гора льва» [Tlili, 1988] — вроде бы чистая фантазия на тему о том, как люди еще помнят о «заветах предков», пытаются сохранить традиции прошлого, которые они считают «священными»: *свою землю, свой источник воды*, т. е. жизни, защищают снова *свой мир* всеми способами от нашествия «чужеземцев» (а на самом деле «своих», но ставших «чужими»), ибо они решили строить гостиницы для туристов и разрушать

³ О творчестве Рашида Буджедры, крупного алжирского писателя, пишущего и по-французски, и по-арабски, см. подр.: [Прожогина, 2014; 2021].

старые селения, т. е. снова *колонизировать* землю, на которой издревле жили эти люди). Разве это не реальность свершающегося?

И не случайно, что уже в XXI в. все тот же М. Тили напишет свою утопию «Послеполуденный отдых в пустыне» [Tili, 2008], где герой-почтарь, перечитывая старые письма в оазисе, существовавшем когда-то в глухом краю, уже почти занесенном песками *повсюду наступавшей «пустыни жизни»*, когда люди уже совсем забыли о том, что такое любовь, дружба, взаимопомощь, когда они *разделены* не только религиями, но и бездной несправедливости, когда забыты *все идеалы* «добра и братства», вдруг вспоминает о былом времени, сожалея, что не избежали *войны* за независимость...

Мираж в пустыне? Быть может, но оснований для сожалений немало...

Да и повсюду сегодня известный алжирец Ясмина Хадра⁴ создает подобный «мираж» в своем романе «Что должен ночи день» [Khadra, 2008], отдавая дань некоей надежде (так и не состоявшейся) на *возможность любви и взаимопонимания* с французами эпохи колониализма и избегания *кровавой пролития* в долгой войне за независимость, когда и герой произведения Хадры сам остался на стороне алжирских партизан... Но *Ночь* колониализма в *День* наступившей новой эпохи все еще манила его к себе возможностью поиска некоего Рассвета...

Продолжив поиски своего героя и в другом романе — «Что должен мираж оазису» [Khadra, 2015], Ясмина Хадра уже свяжет этот Рассвет с тем миром Знания о жизни, постижением ее горизонтов и возможностей, которые были почерпнуты в *библиотеке* при французской школе (а их колонизаторы создавали почти повсюду в Алжире, сохраняя и начальные — арабские при мечетях, и это надо признать, как и то, что строили и больницы, и дороги, и пр. инфраструктуру для *своего* дальнейшего существования на завоеванной когда-то ими земле). И это Знание, собственно, и привело героя и самого писателя в ряды борцов Сопrotивления, вдохновленного когда-то почерпнутым в трудах великих французских гуманистов и просветителей лозунгом «Свобода, Равенство и Братство!»

Так что вроде бы не «мираж», а вполне реально осуществленная антиколониальная борьба, хотя в постколониальную эпоху наметились совсем другие тенденции. И с «родоначальниками» Сопrotивления расправились почти сразу же...

Но воображение может уносить писателя и в Будущее. В случае с алжирцем Буалемом Сансальем⁵ — это создание *антиутопий*, т. е. таких утопий, но как мест, которых не просто не существует, но и *не должно существовать* на земле никогда. А начинал он как истинный реалист и однажды метко запечатлел тот реальный факт, что во Франции резко увеличилось не только количество мечетей, но и проповедников и вербовщиков в свои ряды тех, кто не отличал ислама от крайних форм исламского политического радикализма. И сравнил это явление с *нацизмом*. Получив за свой роман «Деревня немца» [Sansal, 2008] Большую премию франкофонии, Буалем Сансаль, окунувшись в 90-е гг. в алжирскую реальность — в годы гражданской войны и после, обращаясь и к европейской реальности, создает свои произведения «2084, или конец света», «Поезд в Эрлингэн, или метаморфоза Бога» [Sansal, 2015; 2018] и др. в стиле антиутопии, не переставая при этом размышлять о реальной возможности наступления торжества т. н. «исламского фундаментализма», эры возврата к истокам и т. п. явлениям, связанным с террором, с актами насилия над всем, что кажется несовместимым с «Заветами Аллаха» ...

⁴ Ясмина Хадра — псевдоним М. Молессеуля, известного ранее как автора многочисленных детективных романов о Ближнем Востоке и Алжире бывшего полковника Алжирской армии (и бывшего выпускника одной из военных академий СССР), ушедшего в отставку и ставшего впоследствии, в конце 90-х — начале 2000-х гг., руководителем Алжирского культурного Центра в Париже, потом вернувшегося в Алжир.

⁵ Буалем Сансаль — автор многочисленных романов об Алжире, работает физиком в одном из алжирских университетов. За роман «Деревня немца» был награжден одной из самых престижных литературных премий, и на его чествовании оказалась и я, получившая это произведение с лестным для меня автографом о «глубоком знании алжирской литературы»...

Радикалисты их понимают особо. Вот и в романе «2084» (где в подзаголовке: «или конец света») много философских размышлений о том, как изменялся с веками, годами, эпохами ислам. Но возврат «к истокам», к которому нынче призывают радикалисты, запечатлен в произведении как метафора всеобщего Мрака, жития человека в почти первобытных условиях, где люди разжигают огонь и сидят у старых котелков в ожидании, когда приготовится «пища», полученная из какой-то «бурды по карточкам» или выпрошенная у «верховных правителей», которые находятся где-то «там, за чертой, откуда начинаются бесконечные коридоры», ведущие куда-то, где, как говорят, правит нечто, похожее на Аллаха. А еще люди говорили, что ведутся порой где-то, неведомо где, но *рядом*, какие-то раскопки, и там попадаются интересные вещи вроде книг, стульев, столов и прочих предметов, когда-то существовавших на этой земле... Но это все «совершенно секретно»... А еще ходили слухи о том, что где-то далеко есть какая-то гора, а там — с вершины, если добраться, то можно увидеть *вообще другой мир*, но до него доберутся только те, у кого есть *самолет*...

Так и живут: надеждой, что когда-то доберутся...

Да и герои «Поезда», где в подзаголовке — «или метаморфоза Бога», тоже живут надеждой на какой-то «экспресс», только железнодорожный, который когда-то их, жителей небольшого городка, что в центре Европы, увезет «подалее от тех, кто завоевывает их пространство жизни — каких-то носителей «другой религии», где все должны подчиняться только их Богу...

Ну, а старая учительница, уже предупреждавшая их об этом, когда-то жившая в Париже, реально испытала насилие «чужого» (ей, немке, «белой», в метро не уступили место два молодчика-араба, сославшись на то, что «здесь никто никому места не уступает», а при выходе из вагона попытались «просто сбросить ее на рельсы», но их остановили...) [Sansal, 2018].

Теперь повсюду в Европе, и не только, теракты — дело, ставшее привычным. Пока не остановят.

Крайности любого радикализма сходятся. Когда-то алжирец Р. Буджедра запечатлел насилие молодых французских фашистов, свирепствовавших в метро, избивавших цепями случайно забредшего сюда после блуждания в его лабиринте араба, искавшего — бесплодно — какой-то адрес... Роман «Идеальная топография для характерной агрессии» создан еще в 1975 г. [Boudjedra, 1975]. Написанный Б. Сансалем роман «Поезд в Эрлингэн» — в 2018 г. Все как бы «наоборот». Но «агрессия» — все та же...

На подобный акт терроризма, но уже в мае 2023 г. на острове Джерба, что рядом с Тунисом, совершенный местными «силовиками» против еврейской синагоги, где собрались многочисленные паломники взглянуть на лежащую здесь с VI в. «Тору», откликнулся своими гневными статьями тунисский поэт Тахар Бекри, осудивший тех, кто разжигает межэтническую и межконфессиональную вражду в родной стране, издавна известной как хранительница следов разных цивилизаций и культур, присутствовавших на этой земле...⁶

Однако когда исламисты призывают к «истокам», забывая об истоках и своей религии [Dib, 2004], не стоит полагать, что само слово не означает что-то абсолютно ушедшее в прошлое и только ему принадлежащее. В «истоках» как таковых — и основы того устоявшегося способа бытия человека и его народа, где есть и вечно живые традиции жизни: сохранение семьи (а у многих и до сих пор — рода, племени), семейных *ценностей*, т. е. непреходящих ценностей, атрибутов жизни, среди которых — и мораль, этика отношений поколений, необходимость воспитания любви к своей земле, ее особенностям, ее, в конце концов, просторам и их *границам*, если, естественно, люди живут в *государстве* и т. д., и т. п. Можно только бесконечно восхищаться теми, кто соблюдает те *правила*

⁶ См. *Bekri T. Poème de Tahaar Bekri écrit en réaction à l'attaque de Djerba*. Kapitalis. 10 mai 2023. URL: <https://kapitalis.com/tunisie/2023/05/10/poeme-de-tahaar-bekri-ecrit-en-reaction-a-lattaque-de-djerba/> (дата обращения: 15.02.2024).

жизни, где сохраняется баланс, гармония между необходимостью прогресса, *продвижения* по пути обретения и прав (не забывая об обязанностях) и возможностью обретения, получения новых знаний и новых достижений в сферах и общественной, и научной жизни, не забывая при этом и то, что «хранили предки», и о том *достоянии прошлого*, где и богатство культуры, и «святые традиции», где много того, что невозможно *отвергнуть*. Даже если в уроках Истории и было много ошибок. Это — нормально. И спорить с этим бессмысленно.

Вот и марокканцы, писатели, еще в 50-е гг. призывавшие только «забыть Прошлое», устремиться в Будущее, позже изменили свои взгляды. Так, Дрис Шрайби, прославившийся повсюду своим первым романом «Простое прошедшее», запрещенным в королевстве Марокко, а в 60-е вызвавший только к «Прогрессу» (см. его роман «Это цивилизация, мама!» [Chraïbi, 1954; 1972]), в конце XX и в начале XXI вв. уже больше опирался на те ценности, которые хранит и сберегает его народ, питая и по сей день надежду, что если восторжествует на его земле только *чужое*, то лучше уж *уйти в горы* — туда, где вечная *свежесть*, в «Поднебесье», сохранить веру в Солнце — источник Света как Надежды и в Воду как источник *Жизни* (см. его романы «Мать Весны», «Расследование на месте», «Инспектор Али» и др. [Chraïbi, 1982; 1981; 1991])⁷.

И молодые марокканки, ставшие в эпоху прогресса образованными, «цивилизованными» — учителями, журналистами, врачами, телеведущими и даже «звездами» экрана, вдруг взялись за перо и, представьте себе, стали разоблачать и критиковать существующий миропорядок, где все еще много «цепей», социальных противоречий, *косных устоев*, где властвуют только догмы религии, а не ее суть, где все еще 40% населения — особенно в глубинке — неграмотные, где королевский двор все еще охраняет свой особый способ существования; где власть коррупции, где все «торгуют людьми», где многих женщин продают в гаремы в арабские эмираты; где пропускают потоки⁸ беженцев из Африки на Запад, где множество и собственных желающих уехать на Запад, эмигрировать любой ценой, даже зная, что они могут «по дороге» утонуть в лодке и т. д., и т.п.⁹. К этим «женским историям» можно добавить и книгу молодого марокканца Хишама Тахира «Джаабук» («Присоединившийся») [Tahir, 2012]¹⁰.

Но одновременно с критикой появляется и *ностальгия*. По тому *настоящему*, что было обретено когда-то и в «отчем доме»: вкусом к охранению *всего заветного*, что берегла Мать, к тем *обычаям* жизни, когда еще устраивались свадьбы, где невесте доставались в приданое драгоценности, что носила когда-то мать, а раньше — ее мать, из века в век передававшиеся по *наследству*; те старинные *ткани*, которые тоже хранила Мать, чтобы сшить наряд дочери-невесте; где в том же шкафу стояли старинные духи; где запахи и звуки, которыми были полны комнаты, где сидели гости и ждали *танец невесты*, еще не надевшей чадор, что должен покрывать голову замужней мусульманки...

Да, они, женщины, теперь многие *свободны*, и марокканки могут и сами выбирать себе женихов, и разводиться с мужьями, и быть архитектором и своей *судьбы*, а не только *дома*, который они построили по своему плану для своего «вечно занятого своими делами» современного мужа... [Djebar, 1996; 1997]¹¹.

Конечно, *реальность* бывает всякой, но все запечатленное и марокканками — правда и только правда.

⁷ О творчестве Дриса Шрайби см. подр.: [Прожогина, 1986; 2015] и мн. др.

⁸ См.: [Le Recit féminin au Maroc, 2006; Прожогина, 2020].

⁹ См., напр., повесть Ясмینی Шами «Церемония», фрагменты которой опубликованы в моей книге [Прожогина, 2020].

¹⁰ Подробнее см. в нашей работе [Прожогина, 2023].

¹¹ Отрывки из первой книги опубл. на рус. яз. в разных моих работах, в т. ч. [Прожогина, 2017]). О романах Ассии Джеббар «Жажда», «Дети Нового мира», «Наивные жаворонки» и мн. др. см.: [Прожогина, 2004; История национальных литератур..., 1993] и в др.

Для алжирских женщин-писателей реальность «обернулась» той стороной, хуже которой не бывает, — той, где царила *Смерть*, затмевающая все. Эпоха 90-х — начала 2000-х была отмечена гражданской войной, развязанной исламскими радикалистами, где было столько жертв, что не сказать всю правду о том, во имя чего, зачем и как расправлялись с людьми, означившими и прогресс, и просвещение, и образование, было невозможно, и Ассия Джебар, когда-то написавшая свою «Жажду Жизни» [Джебар, 1990], свободы и воли и когда-то, однако, все-таки вернувшая героиню своего первого романа с «вольных просторов моря» в *лоно семьи*, а потом и предназначившая своих других героев и героинь служению Идеалам Независимости от колониализма, в последние годы жизни отдала свой могучий талант на документальное увековечивание памяти жертв исламского террора, развязанного *против своей страны*, давно шагавшей по дороге «свободы и прогресса»¹²...

Но сегодня в Алжире (разве что я не знаю всей массы рыночной литературной продукции) пишут в основном детективы или «фэнтези», а если и создают *антиутопии*, то они все — *про реальность*, как это делает замечательный художник Буалем Сансаль.

Да и в Тунисе, если кто-то даже еще пишет о далеком уже прошлом, — о 20–30-х годах, о начале 50-х, когда еще теплились идеалы Независимости, то это все тоже из области «ностальгии по настоящему», но наполненной *реальностью*. Хотя и той, когда еще, как казалось, была уверенность в том, что лучшее в жизни — это «гармония взаимопонимания» (см. приложение в моей книге «Тунисская элегия» [Прожогина, 2016]).

Возможно, что это — лучшая из лучших иллюзий Будущего.

Хотя я не могу не заметить, поскольку пишу для Вестника Института востоковедения, что одна из сегодняшних иллюзий будущего сопряжена и с горечью осознания существования *другой реальности*, предлагаемой живущему на земле человечеству теми, кто полагает себя хозяевами мира и его судьбы. Некой предназначенности людей для абсолютной власти на нашей планете — только тех, которые способны совершать отбор среди народов и определять, которые «лучше», дабы сократить рождаемость повсюду, уменьшить число обитателей планеты Земля почти вдвое, как минимум, причем любой ценой, вплоть до распространения тяжелых болезней, пандемий всякого рода, до насаждения искусственного интеллекта в таких масштабах, которые сеют иллюзии о его создателе, о возможности его торжества над самим человеком, над его разумом; или, что еще хуже, уверяют, что земляне вообще — это инопланетяне и их удел — вернуться во Вселенную к манящим вдаль «своим звездам», к космическим улетам туда, куда их пошлют, тоже отобрав, те, кто отсчитывает последние дни и часы в существовании Земли, которая «вот-вот» должна погибнуть любой ценой, вплоть до всемирной, тоже искусственно развязанной, ядерной катастрофы... Обо всем этом — в январе 2024 г. вышедшая новая книга вышеупомянутого алжирца Буалема Сансаля, его новый роман-фантазия, названный им просто и значительно — «Жить» [Sansal, 2024]. Там есть подзаголовок: «Д-780. Или обратный отсчет» (j-780 ou compte à rebours). «780 дней» — это название особого Комитета мирового устройства (или взявшего на себя роль «мирового правительства»), рассчитывающего и количество людей, должных существовать на Земле или покинуть ее, и срок существования самой планеты, на которой будет легко и просто править миром, где все «очищено» и где истреблено все ненужное...

Что можно сказать писателю, озабоченному всем происходящим сегодня? Только согласиться с ним в том, что, когда кто-то пытается устроить мир только *по своим законам*, тогда наступает мрак разума. А безрассудство всегда лежало в основе всех преступлений против человечности.

¹² См. книгу тунисской писательницы Хафсии Джелилы «Пепел на заре» [Djelila, 1957].

Список литературы / References

- Джебар А. *Избранное*. М., 1990 [Dzhebar A. *Selected Works*. Moscow, 1990 (in Russian)].
- История национальных литератур стран Магриба*. Кн. 1–3. М., 1993 [History of National Literatures of Maghreb. 3 vols. Moscow, 1993 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Дрис Шрайби, или Новое время в литературе Марокко*. М., 1986 [Prozhogina S. V. *Dris Shrajbi, or New Times in the Literature*. Moscow, 1986 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Любовь земная (Концепт Родины в творчестве франкоязычных магрибинцев)*. М., 2004 [Prozhogina S. V. *Love Terrestrial. The Concept of Motherland in the Works of the Francophone Maghreb Writers*. Moscow, 2004 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Алжирская сюита (эпоха Рашида Буджедры)*. М., 2014 [Prozhogina S. V. *The Algerian Suite. The Epoch of Rashid Budjedra*. Moscow, 2014 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Марокканский ноктюрн (колониальное, постколониальное и современное Марокко в художественном творчестве франкоязычных писателей)*. М., 2015 [Prozhogina S. V. *Moroccan Nocturne (Colonial, Postcolonial, and Modern Morocco in the Creations of Francophone Writers*. Moscow, 2015 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Тунисская элегия*. М., 2016 [Prozhogina S. V. *Tunisian Elegy*. Moscow, 2016 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Смятение (отражение террора исламизма в художественной литературе Алжира XX–XXI вв.)*. М., 2017 [Prozhogina S. V. *Turmoil. Islamist Terror as Reflected in Algerian Fiction*. Moscow, 2017 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Магрибинки рассказывают (Очерки о судьбах женщин и об особенностях прозы писательниц Алжира, Марокко и Туниса XX–XXI вв.)*. М., 2020 [Prozhogina S. V. *Women of Maghreb Narrate. The Essays on Women's Destinies and Specificities of Prose by the Algerian, Tunisian and Moroccan Female Writers, XX–XXI centuries.*] Moscow, 2020 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Время не жить, и время не умирать*. М., 2021 [Prozhogina S. V. *Time not to Live, Time not to Die*. Moscow, 2021 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Свой путь (Магриб: к проблеме самоопределения во франкоязычной литературе)*. М., 2023 [Prozhogina S. V. *One's Own Way. Maghreb: Towards the Problem of Identity in the Francophone Literature*. Moscow, 2023 (in Russian)].
- Boudjedra B. *La Topographie idéale pour l'agression caractérisée*. Paris, 1975.
- Boudjedra R. *L'escargot entêté*. Paris, 1977.
- Chraïbi D. *Le Passé simple*. Paris, 1954.
- Chraïbi D. *La Civilisation, ma Mère!* Paris, 1972.
- Chraïbi D. *Une enquête au pays*. Paris, 1981.
- Chraïbi D. *La Mère du printemps*. Paris, 1982.
- Chraïbi D. *L'Inspecteur Ali*. Paris, 1991.
- Dib M. *Qui se souvient de la mer*. Paris, 1962.
- Dib M. *Cours sur la rive sauvage*. Paris, 1964.
- Dib M. *L'arbre à dire*. Paris, 2004.
- Djelila H. *Cendre à l'aube*. Tunis, 1957.
- Djebar A. *Le blanc de l'Algérie*. Paris, 1996.
- Djebar A. *Oran, Langue morte*. Paris, 1997.
- Hicham T. *Jaabouk*. Casablanca, 2012.
- Khadra Y. *Ce que le jour doit à la nuit*. Paris, 2008.
- Khadra Y. *Ce que le mirage doit à l'oasis*. Paris, 2015.

- Le Recit féminin au Maroc*. Paris, 2006.
Meddeb A. *Talismano*. Paris, 1979.
Meddeb A. *Fantasia*. Paris, 1986.
Memmi A. *Le Pharaon*. Roman, 1988.
Mellah F. *Elissa, la reine vagabonde*. Paris, 1988.
Sansal B. *Le village de l'Allemand*. Paris, 2008.
Sansal B. *2084 (ou le fin du monde)*. Paris, 2015.
Sansal B. *Le train d'Erlingen ou la methamorphose du Dieu*. Paris, 2018.
Sansal B. *Vivre*. Paris, 2024.
Tlili M. *La montagne de lion*. Paris, 1988.
Tlili M. *L'apres midi dans le desert*. Paris, 2008.